

16. *Петров А.* На бой – за Родину, за честь. Вторая Отечественная война 1914 года / А. Петров. – М. : Тип. А. Д. Плещеева, 1914. – 16 с.

17. *Пушкин А. С.* Дон / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. л-ры (Пушкинский дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. – Л. : Наука, 1977 – 1979. – Т. 3.: Стихотворения, 1827 – 1836. – 1977. – 495 с. – С. 120.

18. *Ковров С.* Как донской казак немца перехитрил (Новая сказка в стихах) / С. Ковров. – Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1915. – 16 с.

19. Без автора. Казачья тоска по «работе» // Война 1914. – № 8. – С. 13.

20. *Семенов Е.* Война и пацифизм / Е. Семенов // Великая война в образах и картинках / под ред. Ив. Лазаревского. – М. : Изд. Д.Я. Маковского. – Вып. III. 1915. Январь. – С. 145.

21. *Опочинин В.* Из кавказских казачьих песен / В. Опочинин // Новое время. – 1914. – 8 (21) ноября. – № 13887. – С. 1–2 (361–362).

22. *Петров В. И.* Вперед, герои! Стихи донского казака В. И. Петрова / В. И. Петров. – М. : Типография т-ва А. Д. Сытина, 1915. – 32 с.

23. *Богомоллов Б.* Сказы. Подарок воинам / Б. Богомоллов. – Петербург : Типография т-ва «Наш век», 1914. – 15, [2] с.

24. *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века / Н. В. Рыжкова. – М. : Вече, 2008. – 448 с.

Надійшла до редколегії 07.10.2014

УДК 070.82-3

Е. А. Гусева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В «ЗАПИСКАХ КАВАЛЕРИСТА» НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Перша світова війна залишила помітний слід в історії, проте в російській літературі, на відміну від зарубіжної, вона майже не знайшла відображення. Тим більший інтерес становлять художні та документальні і твори, що відкривають завісу забуття з подій цієї війни. До них відносяться і «Записки кавалериста» М. Гумільова, що охоплюють весь період його служби в лейб-гвардії уланському полку. «Записки кавалериста» – це окремі нариси, які описують бойові епізоди за участю автора. Гумільов фіксує те, що бачив сам, у чому особисто брав участь; події відтворюються з суб'єктивної, авторської точки зору. Але суб'єктивність авторського світосприйняття не

порушує достовірності зображення того, що відбувається, і це абсолютно органічно для документальної прози М. Гумільова.

Ключові слова: Перша світова війна, нариси, документалізм, авторська суб'єктивність.

Первая мировая война оставила заметный след в истории, однако в русской литературе, в отличие от зарубежной, она почти не нашла отражения. Тем больший интерес представляют художественные, документальные и произведения, приоткрывающие завесу забвения с событий этой войны. К ним относятся и «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, охватывающие весь период его службы в лейб-гвардии уланском полку. «Записки кавалериста» – это отдельные очерки, которые описывают боевые эпизоды с участием автора. Гумилёв фиксирует то, что видел сам, в чём лично участвовал; события воспроизводятся с субъективной, авторской точки зрения. Но субъективность авторского мировосприятия не нарушает достоверности изображения происходящего, что совершенно органично для документальной прозы Н. Гумилёва.

Ключевые слова: Первая мировая война, очерки, документализм, авторская субъективность.

Der erste Weltkrieg hat eine beachtliche Spur in der Geschichte hinterlassen, doch in der russischen Literatur fand er, im Unterschied zur westeuropäischen, kaum Widerhall. Umso lebhafteres Interesse rufen Werke der schönen Literatur wie auch der Dokumentarprosa hervor, die den Schleier der Vergessenheit, der über die Ereignisse dieses Krieges gebreitet war, lüften. Zu diesen Werken gehören auch die «Notizen eines Kavalleriesoldaten» von Nikolaj Gumiljov, die sich aus der gesamten Zeit seines Dienstes in der Leibgarde eines Ulanenregiments speisen. Die «Notizen eines Kavalleriesoldaten» präsentieren sich als Einzelskizzen, die Kampfepisoden beschreiben, in die der Autor verwickelt war. Gumiljov fixiert Ereignisse, deren Zeuge und Akteur er selbst gewesen war, sodass diese aus der subjektiven Sicht des Verfassers dargestellt werden. Doch die Subjektivität der Wahrnehmung des Verfassers steht nicht im Widerspruch zur Wahrheitstreue der Darstellung der Ereignisse, was für die Dokumentarprosa von N. Gumiljov sehr charakteristisch ist.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Skizzen, Dokumentarismus, Autorens subjektivität.

The First World War left its mark in history, but in Russian literature, as opposed to foreign, it is almost not reflected. But this is understandable: the February Revolution and the ensuing October Revolution, the tragedy of the Civil War – and on the literary «proscenium» there were new events, new characters, «pushing aside» events of recent bloody battle of nations. As a result the war, which at first was called the Great or the Second Patriotic War, was not forgotten by succeeding generations, but remembered much rarer than all the revolutions or the Second World War. The names of many writers who voluntarily enlisted in the army or became war correspondents were forgotten. The art and documentary works which lift the veil of oblivion with the events of the first world war have the greater interest. Among them there is «Notes of the Trooper» by N. Gumilev,

covering the whole period of his service in the Life Guards of the uhlan regiment. Being the brightest representative of the poetry of the Silver Age, he voluntarily went to war in 1914, he wrote newspaper correspondence from the battlefield. Vivid pictures of war arise in front of the reader, presented through the eyes of not only the great poet-acmeist but also a cavalryman, who shared the hardships of military life, along with the rank and file soldiers. Gumilev wrote about the war in details and with pleasure. On the Eastern Front the cavalry was used for reconnaissance; the poet served in one of these units. That deal was dangerous and valiant; at least as it is presented in Gumilev's works.

«The Notes of the Trooper» is separate essays, which describe the battle scenes with the participation of the author. «Notes...» is strictly documentary; Gumilev captured what he saw, what was personally involved in; events are reproduced from the subjective, the author's point of view. The reader is included in the scope of the imaginary, he «hears» the sound of gunfire (and learns that shots from a revolver and rifle sound different), «sees» the Germans who blocked the road, plowed field... But the subjectivity of the author's perception of the world does not violate the reliability of the image of what is happening that is completely organically for Gumilev's nonfiction. Along the way, it should be noted that, in his «Notes...» the author was a poet, originally refuting known maxim («when the cannons speak, the Muses are silent»). That is why his descriptions of nature are so imaginative and poetic. But Gumilev not only wrote beautifully, but also fought bravely. At the end of 1914 for bravery and courage in reconnaissance, he was awarded the Cross of St. George IV class. In 1915, Gumilev fought in western Ukraine, where he had the most serious military trials and received the Cross of St. George III class, which he was very proud of.

In Russian literature new issues and topics appeared about the First World War: changing the attitudes towards the Russian army, the officers; deep, national awareness of the war as a universal misfortune; understanding the war as the suffering, followed by purification, repentance; awareness of the war as a feeling of relaxed brutality, manifested itself in the subsequent revolutionary events, and others. There are not so many genuine works of art devoted to this topic. One of them is «The Notes of the Trooper» by Nikolai Gumilev, showed an unexpected side of their author – a prominent Russian poet, essayist, traveller, warrior...

Keywords: The First World War, essays, documentalism, author's subjectivity.

Первая мировая война оставила заметный след в истории, однако в русской литературе она почти не нашла отражения. В отличие от зарубежной, и в этой связи естественно и традиционно упоминать произведения Хемингуэя и Ремарка, а фраза «потерянное поколение» стала своего рода идиомой. В случае же с русской литературой всё объяснимо: Февральская революция и последовавшая за ней Октябрьская, трагедия гражданской войны – и вот уже на литературную «авансцену» вышли новые герои, новые события, оттеснившие

эпизоды недавней кровавой схватки народов. В результате война, которая вначале называлась Великой или Второй Отечественной, последующими поколениями не то чтобы была забыта, но вспоминают о ней гораздо реже, чем обо всех революциях или той же Второй мировой. Поэтому вряд ли можно сразу, «навскидку» назвать произведения русской литературы, запечатлевшие события первой мировой войны и выразившие отношение к ней их авторов. Имена многих литераторов, добровольно вступивших в армию, ставших военными корреспондентами, были забыты. Это дало основание Л. Аннинскому сказать жёстко, но справедливо: «Вплоть до “Августа четырнадцатого” зиял в русской литературе провал; разрозненные сцены в горьковском “Самгине” и некоторые эпизоды у Шолохова и Федина лишь подчёркивали вакуум. Мы больше узнали об “августовских пушках” из Барбары Такман, чем из всей советской литературы. Да, Солженицын написал огромной силы книгу, достойную стать хрестоматийной, но, похоже, и его книга не была “дочитана”, а впелелась в бесконечное “Красное колесо”, где и увязла всё в той же бесконечности революции» [1, с. 182]. Первая мировая война, таким образом, практически не нашла отражения в русской литературе, поскольку вошла в общий контекст духовной жизни. То есть не было художественного произведения *только* о событиях 1914–1918 гг. (как, скажем, у Ремарка). Они могли быть лишь вплетены в ткань романа (как в трилогии А. Толстого), заняв определённую «нишу» в его фабуле. Тем больший интерес представляют документальные произведения, приоткрывающие завесу забвения с событий Первой мировой войны. И в этой связи мы рассмотрим «Записки кавалериста» (1914–1915) Николая Гумилёва.

Когда разразилась война, Гумилёв добровольно отправился на фронт и был зачислен вольноопределяющимся в лейб-гвардии уланский полк. После двух месяцев обучения и подготовки, в ноябре, полк был отправлен в Южную Польшу, а уже 19 ноября состоялось первое сражение, в котором принял участие и автор «Записок...». Надо заметить, что кавалерия в то время уже утратила своё значение как боевая сила: сменилась стратегия и тактика ведения боя. Однако в русской армии она активно использовалась – главным образом для разведки. В таком отряде служил и Н. Гумилёв. В своих записях он рассказывает об ощущениях человека, впервые попавшего в условия войны, о впечатлениях от разрушенных городов, о местах недавних боёв... Ко всему этому надо было привыкнуть, не струсить в решающий момент, в конце концов, стать своим для солдат. Конечно, Гумилёв пришёл на фронт не из столичного салона, в его биогра-

фии были и трудные африканские путешествия. Но Африка была его юношеской мечтой, и он её осуществил. А воевать поэт не собирався, более того, от военной службы был освобождён. Тем не менее он не мог себе позволить спрятаться от войны и ушёл воевать наравне с тысячами патриотов.

Жанр «Записок...» определяется по-разному. Скажем, Е. Степанов называет их документальной повестью, хотя это, несомненно, цикл военных очерков, охватывающих весь период службы Н. Гумилёва. Они фрагментарно и документально точно отражают ряд боевых действий, в которых тот участвовал, в них нет единого сюжета, и, вероятно, Е. Степанов называет это произведение повестью, чтобы повысить значение «Записок», возвести их в ранг художественной прозы. Е. Степанов, много работавший в военных архивах и стремившийся определить, насколько точно автор «Записок...» отражил военные действия, пришёл к выводу: «Сопоставление официальных документов и описаний автора указывает на точность и ответственность Гумилёва при написании документальной повести. Нет ни одного выдуманного или хотя бы как-то приукрашенного (в пользу автора) эпизода. Всё предельно точно» [3, с. 177]. Действительно, «Записки кавалериста» строго документальны, а описания их точны. К примеру, Гумилёв так воспроизводит ситуацию, когда он оказался впереди своего разезда и, по сути дела, попал в окружение, из которого пришлось вырываться: «Я понял, что на этот раз опасность действительно велика. Дорога к разезду мне была отрезана, с двух других сторон двигались неприятельские колонны. Оставалось скакать прямо на немцев, но там далеко раскинулось вспаханное поле, по которому нельзя идти галопом, и я десять раз был бы подстрелен, прежде чем вышел бы из сферы огня» [2, с. 69]. Это описание кратко, точно и выразительно. Автор фиксирует то, что он видел и слышал: «Мне были ясно видны их лица, растерянные в момент заряжания, сосредоточенные в момент выстрела. Невысокий пожилой офицер, странно вытянув руку, стрелял в меня из револьвера. Этот звук выделялся каким-то дискантом среди остальных» [2, с. 69–70]. События воспроизводятся с субъективной, авторской точки зрения. Н. Гумилёв фиксирует свои собственные ощущения: «Всё это в ту минуту я запомнил лишь зрительной и слуховой памятью, осознал же это много позже» [99, с. 70]. Читатель включён в сферу изображаемого, он «слышит» звуки выстрелов (причём узнаёт, что выстрелы из револьвера и винтовки звучат по-разному), «видит» немцев, перегородивших дорогу, вспаханное поле... Снова заметим, что субъек-

ективность авторского мировосприятия не нарушает достоверность изображения происходящего, что совершенно органично для очерковой прозы Н. Гумилёва. Скажем, он замечает: «Самое тяжёлое для кавалериста на войне – это ожидание» [2, с. 64]; или: «...с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под сёдла окоченевшие пальцы» [2, с. 64]. Как видим, у Гумилёва война – это не только лихие атаки кавалерии (хотя и они, безусловно, имели место), а прежде всего трудная, грязная, опасная работа. Однако в «Записках кавалериста» явственно ощущается и традиция, идущая от записок периода Отечественной войны 1812 г. Их автору явно нравится участвовать в боях, тем более что русским сопутствует успех. К примеру, он отмечает: «Наступать – всегда радость, но наступать по неприятельской земле – это радость, удесятерённая гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодцеватее усаживаются в сёдлах. Лошади прибавляют шаг» [2, с. 65]. Аналогичное настроение угадывается, скажем, во «Взятии Дрездена» Дениса Давыдова, и в «Записках кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, и в «Письмах русского офицера» Фёдора Глинки...

Попутно надо заметить, что в своих «Записках...» автор остался поэтом, своеобразно опровергая известную сентенцию («когда говорят пушки, музы молчат»). Потому так образны и поэтичны его описания. Например, вражеский аэроплан Гумилёв сравнивает с ястребом над спрятавшейся в траве перепёлкой, а гром германских пушек – с большими кузнечными молотами... Необычайная образность пронизывает «Записки...»: «Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принюхивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища кого ему ужалить» [2, с. 72]. Но Гумилев не только красиво писал, но и храбро воевал. В конце 1914 г. (т. е. менее чем через три месяца после мобилизации) за смелость и мужество, проявленные в разведке, он был награждён Георгиевским крестом IV степени. В 1915 г. Гумилёв воевал на Западной Украине, где прошёл тяжёлые военные испытания и получил Георгиевский крест III степени; обеими наградами он очень гордился.

Автор много размышляет о поведении человека на войне, о предопределённости убийства. Скажем, он пишет: «Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня!» [2, с. 71]. Но это, так сказать, патетика. Ведь только на первый, общий взгляд воюют армии – на самом деле воюет каждый отдельно взятый солдат. И он чувствует, ощущает, живёт; и его порой занимают совершеннейшие мелочи: «...случайно добытый стакан

молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте» [2, с. 63]. Как видим, Гумилёв далёк от восторженного восприятия войны. Для него это трудная и опасная работа, в которой, однако, бывают и маленькие радости.

В то же время порой автор рисует и «батальные полотна», и они в его исполнении получаются не менее выразительными, чем отдельные эпизоды: «Дивное зрелище – наступление нашей пехоты. Казалось, серое поле ожило, начало морщиться, выбрасывая из своих недр вооружённых людей на обречённую деревню. <...> Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм... <...> И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и *катастроф*» [2, с. 76] (Курсив наш – Е. Г.). Вот оно, ключевое слово, – «катастрофа». Война, какой бы победоносной она ни была, – это всегда трагедия. И Гумилёв в своих «Записках...» показывает это ясно и определённо. Тем более что Первая мировая впоследствии привела к крушению устоявшегося миропорядка: была заново перекроена Европа, пали могущественные империи, а на их обломках возникли фашизм и тоталитаризм... Но эта же война стала катализатором для самопознания многих народов и познания человека, взявшегося за оружие. Тогда «была жизнь, и была честь военного, и была присяга, и был долг, и была вражеская пуля, был сильный противник...» [4, с. 62]. В немногих произведениях русской литературы о Первой мировой войне зазвучали новые вопросы и проблемы: изменение отношения к русской армии, офицерству; народное осознание войны как всеобщей беды; осмысление войны как страдания, за которым последует очищение, покаяние; ощущение войны как раскрепощённой жестокости, проявившей себя в последующих событиях революции и гражданской войны.

Библиографические ссылки

1. *Аннинский Л.* Неизвестная война / Л. Аннинский // Родина. – 1993. – № 8–9. – С. 182–183.
2. *Гумилёв Н.* Записки кавалериста / Н. Гумилёв // Москва. – 1989. – № 2. – С. 61–100.
3. *Степанов Е.* «И смерти я заглядываю в очи...». Вокруг «Записок кавалериста» Н. С. Гумилёва (1914–1915) / Е. Степанов // Знамя. – 2010. – № 4. – С. 167–188.
4. *Тюрин Ю.* Проза поэта / Ю. Тюрин // Москва. – 1989. – № 2. – С. 61–62.

Надійшла до редколегії 20.10.2014